

«Беззаветная команда»

[ОХОТНИЧЬИ КОМАНДЫ В КАВКАЗСКИХ ПОЛКАХ]

В.В. Стецов

... и выстрел неожиданный, и страх после выстрела:
враг ли коварный, или просто охотник ...

М.Ю. Лермонтов

Статья посвящена проблеме возникновения и становления специальных команд в войсках Отдельного Кавказского корпуса, предназначенных для борьбы с диверсионными действиями горцев. Современники называли их "беззаветными командами", потому что члены команд были людьми, увлеченными своим делом до самозабвения. Вся деятельность команд – это образ жизни, мышления, состояние души их участников.

Работа носит фрагментарный характер, поскольку слишком часто нам приходится констатировать отсутствие необходимых сведений. Несмотря на это, хотелось бы надеяться на то, что предлагаемый материал окажется интересен и полезен для любителей военной истории Отечества.

Обстоятельства создания и организация команд

Кавказская война XIX в., при всей её кровавой экзотике и воинской славе обеих сторон, оказалась не только знаменательным событием военно-политической истории России, но еще и важнейшим для своего времени полигоном русской армии, служившим для апробирования новых тактических приемов в маневренной войне. Война на Кавказе в ходе развития породила свои специфические формы ведения её. Крайне сложные условия кавказского театра военных действий (бесконечные трудности, связанные с передвижением крупных армейских колонн по горным дорогам; ловкий и отважный неприятель, время и место встречи с которым угадать было невозможно; отдельные серьезные просчеты командования) заставляли войска Отдельного Кавказского корпуса искать новые средства и методы борьбы с подвижным противником.

Кавказские войска вынуждены были одновременно вести боевые действия, продвигаться вглубь территории противника, строить укрепления и оставлять в них русские гарнизоны, бороться за коммуникации, жизненно необходимые для войск в условиях горно-лесистой местности. Крепости связывались между собой дорогами, вокруг которых ради безопасности на сотни метров вырубался лес (с тех пор для многих солдат-кавказцев рубка леса стала основным занятием на войне). Для содержания гарнизонов, полевых войск и, наконец, мирных жителей требовалось продовольствие и фураж для животных. Расширяющееся военное присутствие России на Кавказе, с одной стороны, препятствовало так называемому "наездничеству" горцев – явлению, когда внутренний материальный недостаток восполнялся за счет внешних захватов. С другой стороны, появление зажиточных казачьих станиц, укреплений, городков и сел с мирным населением толкало горцев к новым рейдам для захвата добычи. Не следует забывать, что и "газават" – война не только с Россией, но и со всеми, кто не принимает шариат ислама – великолепно обосновывал и благословлял набеговую систему горцев Северного Кавказа. При этом последние обладали определенными преимуществами в войне с русскими, поскольку воевали "у себя дома". Горцы активно вели малую войну: нападали на колонны войск и на рабочие команды в районах передовой линии, проводили быстрые и внезапные вторжения, пользовались любым случаем, чтобы напасть врасплох, неутомимо тревожили военные посты и цепи. Отдавая предпочтение набегу перед защитой, основная часть горцев участвовала в набеге на Кавказскую и Черноморскую кордонные линии, на укрепления в Прикаспийском Дагестане и Грузии. За исключением дагестанцев, все горцы практически никогда не встречали войска с фронта, а нападали на боковые фланги и арьергард. Маленькие отряды (современники называли их "партии") и одиночки представляли гораздо большую опасность, чем отряды в несколько сотен или тысяч человек, потому что могли почти беспрепятственно проникать в тыл русских оборонительных линий.

В связи с этим перед кавказскими войсками возникала необходимость получения заблаговременной информации о готовящихся

набегах мятежных горцев на русские поселения и укрепления для организации отпора последним. Основным средством доставки такой информации являлись лазутчики-шпионы и осведомители из местных жителей, которые за плату передавали русскому командованию различные сведения о намерениях и планах противника. Широко известна была своей эффективностью разведывательная сеть лазутчиков, созданная начальником Кубанской линии Г.Х. Зассом. Вошел в анналы российской разведки беспримерный рейд вглубь территории адыгских племен офицера Генерального штаба барона Ф.Ф. Торнау: в 1835-1836 гг., переодетый горцем, он прошел Западный Кавказ и Причерноморье и получил ценную информацию об обитателях этого региона.

Реже использовались для разведки чины регулярной армии. С этой целью из солдат и офицеров вызывали "охотников". В военное время они, по вызову начальства, добровольно шли на выполнение какого-либо опасного предприятия. Такие команды "охотников" (т.е. добровольцев) создавались на временной основе для выполнения конкретного, разового задания. Как, например, "беззаветная команда" юнкера Малороссийского казачьего № 1 полка Р.И. Дорохова, которую после его ранения в октябре 1840 г. возглавил поручик Тенгинского пехотного полка М.Ю. Лермонтов. Или участие в штурме дагестанского аула Салты пеших охотников из Нижегородского драгунского полка в 1847 г. А летом 1857 г. 300 отборных охотников из Крымского пехотного полка составили десантный отряд, высадившийся в устье реки Туапсе. Приводить подобные примеры можно до бесконечности.

Активизация борьбы горцев, сплоченных Шамилем, их партизанские методы войны заставляли русское командование обращаться к адекватным мерам. Одной из таких мер, показавших свою эффективность, стало создание в кавказских полках охотничьих команд на постоянной основе. Мысль о сформировании таких команд приписывают князю А.И. Барятинскому, будущему "покорителю Кавказа". Появилась она у него в 1835 г., во время службы на Кубанской линии у генерал-майора Засса, будучи прикомандированным к конному полку Черноморского казачьего войска. Возможно, именно деятельность лазутчиков Засса навела молодого офицера на мысль, что с неуловимыми горцами нужно вести борьбу не крупными воинскими частями и даже не конными разъездами, а путем создания специальных пеших команд из добровольцев. Однако, тяжелое ранение отодвинуло практическое осуществление этой идеи на 12 лет. И только став в 1847 г. командиром одного из известнейших кавказских полков – Кабардинского егерского, Барятинский смог воплотить свои замыслы в жизнь. В том же году из "отборных людей полка" была образована первая постоянная команда охотников, ставшая лучшей на Кавказе.

Со временем подобные команды появились и в других полках Отдельного Кавказского корпуса, расположенных ближе к охваченным военными действиями территориям (Дагестан, Чечня, Северо-Западный Кавказ): в 1848 г. в Самурском пехотном полку, в 1849 г. в Апшеронском пехотном полку и пешая (!) команда в Нижегородском драгунском полку, в 1851 г. в Дагестанском пехотном полку. Позже охотничьи команды образовывались и во вновь формируемых кавказских полках. Интересно, что в Апшеронском полку предпринималась попытка создания конной охотничьей команды, но дальнейшая судьба её неизвестна, равно как и степень участия в делах с неприятелем.

В полках Кавказской гренадерской бригады, стоявшей в Закавказье, постоянные охотничьи команды не формировались, поскольку местное население было лояльно к русским войскам.

При создании охотничьих команд к личному составу предъявлялись особо высокие требования. Сам характер их службы требовал от охотников храбрости и физической силы, отваги и сооб-

разительности, способности принимать решения в постоянно меняющейся боевой обстановке. Необходимы были также подготовка к одиночному бою, умение использовать выгоды местности, маскироваться, иметь навыки следопыта. Наиболее ценились те охотники, кто мог перенять образ действия горцев, полностью погрузиться в местный образ жизни и даже до известной степени сродниться с ним. "Многие из них выучились даже говорить по-татарски", т. е. на одном из наиболее распространенных кавказских языков. Охотники пользовались относительной свободой от всяких стеснений и требований строевой службы.

В составе каждой команды находилось от нескольких десятков до полутора сотен человек постоянного контингента. Командовали ими обычно обер-офицер, также доброволец. Офицер охотников имел лошадь, но пользовался ею только в мирной обстановке — в бою командир внешне ничем не выделялся из рядов команды. О многих из этих оригинальных людей на Кавказе ходили легенды. Наиболее прославился командир охотников Кабардинского полка поручик Н.В. Богданович, отличавшийся смекалкой и удачью, сопряженной с тонким расчетом и знанием противника. Его девиз — "всегда и везде впереди, без отдыха, постоянно там, где больше опасности" — свято соблюдался в команде и после ухода первого её командира. Выработался даже своеобразный кодекс охотника: два охотника не нападают на одного противника; если на охотника напали несколько горцев, ему на помощь приходят столько же охотников; если можно убить издали, тем лучше (для этой цели и служило дальнобойное оружие).

В непрерывном ряде мелких и крупных дел вырабатывались и совершенствовались круг действия и тактические методы охотников. Близость ловкого и смелого неприятеля первоначально поставила охотникам задачу бдительной охраны полковых штаб-квартир или походных лагерей в экспедициях. Ночное патрулирование постепенно сменялось еженощным выставлением секретов в возможных местах прорыва групп горцев. В дневное время охотники часто действовали в качестве боевого охранения полковых команд фуражиров, лесорубов и т.п. Каждый успех в пресечении вражеских диверсий поощрялся командирами полков денежными наградами, большую часть которых охотники отправляли в кассу для выкупа пленных. В Кабардинской, Дагестанской и Нижегородской охотничьих командах некоторое время практиковался заимствованный у горцев варварский обычай в доказательство своей победы приносить головы убитых врагов. После же искоренения его осталось правило приносить в качестве трофея оружие и снаряжение поверженных противников.

У горцев же был перенят метод внезапных атак из засад. Дополненный и переработанный охотниками он выглядел следующим образом: замаскировавшиеся охотники делали залп по группе горцев, затем дружно ударяли в штыки или кинжалы на ошеломленных противников и начинали их преследование, оканчивавшееся перестрелкой с отступавшим неприятелем. Как правило, засады сопровождалась многодневными рейдами в тыл противника, в ходе которых проводился сбор информации разведывательного характера: запоминание местности, дорог, тайных троп, местонахождения населенных пунктов, запасов фуража, системы укреплений немирных горцев. Во время набегов и экспедиций кавказских отрядов охотничьи команды выполняли функции сторожевого охранения — высылались впереди колонны для осмотра местности, иногда вместе с конными разъездами, на крупах лошадей, а чаще просто бегом вслед за двигавшимися рысью кавалеристами. Современники восхищались быстротой и неутомимостью движений охотничьих команд. (В 1861 г., сопровождая императора Александра II в его поездке по Кавказу, охотники Кабардинского полка бегом сопровождали царский экипаж, не отставая от нижегородских драгун, за что получили от государя шутовское прозвище "кабардинская кавалерия").

В сражениях и боях охотничьи команды выполняли роль подвижного резерва, который бросался в самые жаркие места. При отступлении команды были всегда в хвосте колонн, прикрывая главные силы внезапными атаками из засад и метким огнем.

В феврале 1863 г. охотничья команда Крымского пехотного полка выполняла роль почетного конвоя, охраняя по пути следования по Западному Кавказу нового главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. В течение этой миссии пешие охотники приняли участие в кавалерийском (!) сраже-

нии с горцами на реке Псекупсе.

В период редких затиший или спада активности нападений горцев охотники поддерживали свои боевые навыки охотой на дикого зверя для разнообразия питания однополчан.

Одежда и вооружение охотников

Ведя успешную партизанскую войну против горцев, охотники умело перенимали военные приемы и костюм противника.

Главным убором охотникам служила мохнатая баранья шапка. В основном преобладали шапки двух видов. Первый — высокая, из овчины, с цветным суконным дном шапка — употреблялся среди карачаевцев, осетин, части дагестанских народов, чеченцев. На рисунках того времени мы видим такие высокие лохматые шапки с выпуклым верхом из мягкого войлока или сукна, что верх головного убора наклонялся в сторону. Для адыгейских народов характерны были низкие папахи с очень выпуклым, почти наподобие валика меховым околышем и суконным полукруглым верхом, иногда перекрещенным галуном или шнуром. Такая шапка надевалась несколько набок. Шапки с суконным дном были, как правило, праздничными, для повседневной носки охотники пользовались меховыми шапками без суконного верха. Последние были затерты и затасканы до крайности. На рисунках охотников Кабардинского полка, сделанных Т. Горшельтом, можно увидеть, что некоторые из них приделывали к шапкам кожаные козырьки.

Прически охотников — это коротко стриженные, а чаще всего бритые головы. Почти все охотники носили бороды, и, судя по изображениям, весьма солидные.

Дополнением к головному убору охотников являлся башлык, представлявший собой капюшон с длинными закругленными лопастями. Его использовали в непогоду, в сильную стужу, а также для маскировки лица в секретах и засадах, налевая прямо на папаху и обматывая лопасти вокруг шеи.

Верхней одеждой охотников была черкеска — наиболее известная мужская одежда горцев. Своё название она получила от русских, впервые увидевших такой костюм у черкесов. Охотники располагали походными и парадными, праздничными черкесками. В них они могли находиться в расположении своего полка.

По покрою черкески всех народов Кавказа практически одинаковы. Это кафтан с открытой грудью, без воротника, с полами длиной до колен или середины голени. На груди черкески по обе стороны вкось нашивались напатронники — особые кармашки для газырей, в которых хранились заранее отмеренные дозы пороха. Выступающие верхние части газырей в походной черкеске часто затыкались деревяшками или даже куском материи, в парадных — имели костяные пробки, украшенные позолотой или посеребрённые. Число гнезд для газырей составляло от 8 до 18 штук с каждой стороны груди. Праздничные черкески часто имели газырицы из цветной кожи — черные, красные, зеленые, обшитые по краям галунами. Прямые и широкие рукава черкески опускались ниже кистей. Застегивалась черкеска крючками встык около талии. Черкеску носили застегнутой и подпоясанной узким ремнем поясом, на котором висел кинжал и т.п.

На полотнах Г.Г. Гагарина, прославившегося удивительной достоверностью своих произведений, горцы часто изображены с оборванными полами и рукавами черкесок. В чем дело? Для того, чтобы плотно засадить пулю в ствол, её обертывали в лоскуток материи. Ну, а если в бою этот запас оказывался на исходе, приходилось в буквальном смысле слова рвать на себе одежду, что и зафиксировал пылливый взор художника. По горским обычаям, там, где пролетела в черкеске пуля, заплат не клали. Удары шашки обозначались узкими сафьяновыми полосами, нашитыми изнанкой вверх на тех местах, где прошелся клинок. На охотниках не было ни одной черкески, на которой бы не было следов пули или кинжала, или пятен крови, или дыр от колючек и кустарника во время их отважных походов.

Под черкеску одевался бешмет — распашная рубаха из легкой ткани, верхняя часть которой обтягивала фигуру, а нижняя лежала свободно, иногда сборками. Бешметы 1-й половины XIX в. бывали без воротника на завязках или же имели невысокий стоячий воротник, спереди постепенно исчезающий. Рукава бешмета длинные и узкие, иногда с треугольным вырезом, который носили загнутым. Длина бешмета, как правило, была короче черкески. Засте-

гивался бешмет так же, как и черкеска – встык. Штаны охотников шились из сукна. Они могли быть широкими, как у адыгов, или узкими, как у осетин, чеченцев, ингушей и дагестанцев. По большей части штаны заправлялись непосредственно в обувь.

Обувь была приспособлена к природным условиям Кавказа и образу жизни охотников. Идя на задание, они сменяли сапоги на кожаные поршни, сшиваемые из одного куска кожи. Подошва у них не была толстой, иногда её сплетали из ремней. Апшеронская охотничья команда носила лапти с толстыми онучами, переплетенными сверху веревочками. Такая обувь позволяла охотникам передвигаться бесшумно. Специфической частью костюма горцев можно считать ноговицы. Надевали последние поверх штанов и они плотно обтягивали ногу от щиколотки до колена, а зачастую и выше. Для удобства натягивания они имели штрипки. Шили ноговицы из сукна, иногда из войлока, а парадные – чаще всего, из сафьяна. В рассматриваемый период парадные ноговицы иногда делались разноцветными: например, снаружи красные, внутри черные. Встречались и другие цветовые сочетания. Ниже колена ноговицы закреплялись подвязками.

Мужские пояса делали из кожи или ткани. Наибольшей популярностью пользовались узкие кожаные ремни с небольшой металлической пряжкой. На поясе носили кинжал, мешочек с пулями, жирницу для смазывания оружия, пистолеты и другие вещи, необходимые воину. Верхней плечевой одеждой народов Кавказа служила войлочная бурка. Конечно, ею пользовались и охотники. Бурка того времени отличалась от более поздних образцов тем, что была очень короткой, иногда значительно выше колен. Бурка имела колоколообразную, расширяющуюся книзу форму. Надевая бурку на плечи, человек маскировал свое оружие, а также спасал его от сырости, что имело немалое значение для кремневых ружей и пистолетов.

Шуба являлась теплой верхней одеждой горцев. Она шилась из овчины, шкур диких животных. Как правило, она была нагольная, белая. Были и шубы, покроем сходные с черкеской, поэтому их иногда надевали под последнюю и при этом она несколько не отягощала, не сковывала движений человека.

Завершая краткий обзор костюма охотника середины XIX в., следует особо оговорить цветовую гамму в одежде. Мужская одежда этого периода характеризуется сдержанностью и строгостью расцветки, преобладанием темных оттенков. Почти все ткани были одноцветными и не имели узоров. Основной тон костюму задавала черкеска. Основная масса охотников носила черкески черные, серые и коричневые, реже бурые. Охотники Самурского полка были в однообразных черкесках (кафтанах) из серого солдатского сукна. Бешметы повседневные шились из тканей темных цветов – черных, коричневых, темно-серых. Праздничные бешметы, напротив, были светлых тонов. Считалось, что к темной черкеске особенно подходит бешмет белый (или светлый), и наоборот, к светлой черкеске – темный бешмет. Встречались бешметы оранжевого (по замечанию современника, любимый цвет горцев), светло-синего, зеленого, коричневого оттенков. Башлыки также были двух видов: дорожные шили из черного или коричневого сукна (хотя адыги и в пути, случалось, бывали в белых башлыках), а праздничные делались белые, золотистого верблюжьего сукна, красные, оранжевые, синие, обшитые галунами.

Настоящий джигит презирал добычу и довольствовался одной славой лихого наездника. Только три вещи – ружье, обувь и кинжал, без которых нельзя было прожить в горах, были у горца исправны, а все остальное висело в лохмотьях. Такого правила придерживались и их достойные противники – охотники из кавказских полков.

Костюм охотников нельзя рассматривать, не уделив внимания их оружию и снаряжению. С этим связан общий стиль, характер костюма и отдельные его детали – газыри, пояс и другое.

Обязательным для всех охотников было ружье. Полковые командиры старались вооружить свои команды нарезным оружием. У Апшеронской и Дагестанской команд на вооружении состояли литтихские (т. е. льежские) штуцера. А первопроходцев – охотников Кабардинского полка – князь А.И. Барятинский за свой счет экипировал отличными двуствольными штуцерами с приспособленными к ним штыками. Штык длиной 60 см прятался под дуло и, при необходимости, выпрямлялся с помощью пружины. По одной версии, эти штуцера были изготовлены в Льеже (или Люттixe, поэтому и назывались “литтихскими”), по другой – в Туле. Эти

двустволки были единственным внешним отличием охотников от горцев. Все охотники слыли лучшими стрелками в своих полках и пулю “на ветер не бросали”. Ружье всегда находилось в бурочном чехле за спиной охотника и содержалось в образцовой чистоте и опрятности. Непременным дополнением к штуцеру служил патронташ – кожаная сумка с крышкой на 15-20 гнезд в один ряд для зарядов в бумаге. Носился он на узком ремне через левое плечо на правой стороне груди. Вместе с газырями боезапас охотника составлял 50-100 выстрелов.

Каждый охотник имел кинжал – излюбленное оружие горцев. Крупный специалист по кавказскому оружию Г.П. Прозрителев выделял следующие типы горских кинжалов: лезгинские и тавлинские – большие и тяжелые, в основном для рубки и колющего удара; кабардинские – небольшие и узкие; шапсутские – короткие и широкие. Некоторые охотники владели и кремневыми горскими пистолетами. Пистолет носили просто за поясом – спереди, сбоку или сзади. Пользовавшиеся кремневым огнестрельным оружием охотники держали высококачественный порох в пороховницах, которые делали из дерева, рога, кости, украшали серебряными накладками. Форма их была самой различной – круглые, изогнутые, конусообразные и др. Носили пороховницы во внутреннем кармане под газырями, на узком ремне через левое плечо или привязывали на пояс. Весь костюм охотника и его вооружение были как нельзя лучше приспособлены к военным целям. Бурочный чехол скрывал его ружье от пыли и грязи; оно закидывалось за спину через левое плечо, ремень к ружью пригонялся так, чтобы охотник мог легко и быстро воспользоваться им. За плечами висел на веревочных лямках “кавказский мешок” – холщевая сумка с припасами. Иногда функции мешка выполнял башлык, соответствующим способом перевязанный и длинными лопастями перебросанный через левое плечо. За пояс заткнуты пистолеты. Спереди висел кинжал. На том же поясе помещались жирница (для смазки оружия), отвертка, сумка и т.д. Часто охотники для точности выстрела использовали присошки – приспособление из двух прутьев, скрепленных сверху ремешком. При стрельбе свободные концы втыкались в землю, а поверх клалось ружье. Присошки привязывали к ружейному чехлу.

Несмотря на то, что охотник был обвешан оружием и принадлежностями к нему, оно пригонялось так, что одно не мешало другому: ничто не брнчало и не болталось, а это обстоятельство было крайне важно во время проведения ночных рейдов и засад.

Все эти наружные признаки сбивали с толку самих горцев и нередко они принимали охотников в их разнокалиберных и полуразорванных походных черкесках за своих соплеменников, что нередко давало возможность охотникам выходить из затруднительных ситуаций без ущерба для себя, а еще чаще – усыплять бдительность неприятеля и его недоразумение обращать себе в пользу.

Постепенно охотники стали отлично подготовленным и крайне опасным противником горцев. Последние, познакомившись на практике с членами “беззаветных команд”, стали всячески избегать встреч с ними. Выгоды введения охотничьих команд были налицо: число отважных горских диверсантов резко уменьшилось в зонах действия команд.

Постоянная боевая жизнь выработала своеобразный тип кавказского солдата-охотника, который от костюма и вооружения до выражения лица, походки и всех приемов бросался в глаза. Так, в 1861 г. офицеры французского генерального штаба высоко оценили деятельность охотничьей команды Кабардинского полка, поставив её подготовку выше своих африканских зуавов.

С уверенностью можно сказать, что именно опыт деятельности охотничьих команд регулярных полков и пластунов Черноморского казачьего войска на Кавказе заставил высшее военное руководство всерьез задуматься об организации кадровых охотничьих команд в русской армии.

В 1886 г. были учреждены охотничьи команды при всех отдельных воинских частях для подготовки нижних чинов (не более 4 чел. на роту, эскадрон, батарею) к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особой опасностью и требующих личной находчивости. Главное занятие охотничьих команд в мирное время – охота на хищных зверей, соединяемая с задачами по разведке и изучению местности. Как отличие, нижние чины команд получили нашивку из светло-зеленого басона на обшлага мундира и шинели.

